

ПАВЕЛ АСТАПОВ

БУДНИ УЧИТЕЛЯ

Павел Астапов
Будни учителя
Серия «Звезда соцсети»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39474621
Будни учителя / П. Астапов: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-115169-0*

Аннотация

«Будни учителя» – это сборник реальных историй, которые приоткрывают завесу школьной жизни. Павел Астапов рассказывает о своей работе без прикрас, но с иронией, погружает читателя в мир строгих правил и больших надежд, мир, тонкости которого остаются за кадром для большинства людей. Автор мастерски сочетает курьезные истории из школьной практики и реальные проблемы, от образовательных программ до общения с детьми, родителями, коллегами и администрацией.

О чем молчат учителя? Вы узнаете в этой книге!

Содержание

Вступление	4
Почему учитель?	7
Почему учителей никто не уважает?	10
Итак, она звалась...	14
Мы с Достоевским считаем...	18
Хорошего понемножку	21
Фильм, фильм, фильм!	26
Лукоморье	30
Почетная роль учителя	34
Практика	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Павел Астапов

Будни Учителя

Вступление

Всем привет, меня зовут Павел, и я рад приветствовать вас на моем YouTu... Стоп! На страницах моей книги.

Неожиданный поворот! Мама, смотри: я в телевизоре! Точнее... на полке.

Давайте познакомимся! Меня зовут Павел. Мне 32 года, люблю романтические ужины при свечах, прогулки по ночному городу и...

Так, это информация для другого сайта.

Вот уже пару лет я ношу гордое звание блогера и каждую неделю, расставив по дому толпу осветительных приборов, по несколько часов разговариваю с камерой. Звучит, конечно, как диагноз, но свои плюсы у этого нехитрого и безумно популярного в последнее время занятия тоже имеются.

Сейчас куда ни плюнь, попадешь либо в блогера, либо в контент-мейкера. Шикарное слово!

Прежде чем докатиться до такой жизни и основать бизнес имени себя любимого, почти 10 лет я проработал учителем русского языка и литературы в обычной среднеобразо-

вательной школе.

*На самом деле их было две, но опустим подробности:
надо что-то и на другие главы оставить.*

За эти 8 лет

Да, 2 года я себе ранее все же прибавил.

я превратился из наивного мальчика, стремившегося нести свет в массы...

*Знаю, как высокопарно это звучит, но кто из нас
в юности не верил в то, что именно он изменит этот
жестокый, циничный мир?*

Превратился в гораздо менее наивного мужчину, который понимает, что этот самый свет зачастую далеко не всем нужен. А если и нужен, то не тот и не там. Свет, конечно, светом, а баллы на ЕГЭ все же важнее: престиж школы, все дела.

В этой книге мне бы хотелось поговорить о той стороне школы, которая чаще всего остается за кадром либо освещается весьма далекими от образования людьми. Я постараюсь без прикрас рассказать о работе обычного учителя, о той педагогической кухне, заглянуть в которую удастся далеко не всем, а уж остаться здоровым, после того как увидел все эти нечищенные сковородки и прилипшие к тарелкам остатки ужина, еще меньшему количеству.

Когда в 22 года я переступил порог школы в новом для себя звании педагога, я даже представить не мог, с какими трудностями мне придется там столкнуться. Отдельное спа-

собо в данном случае хочется сказать университету: между нашим высшим образованием и реальной жизнью все еще лежит пропасть каких-то просто монструозных размеров. Нет, не подумайте, эта книга не о жалобах, это рассказ о правде. О МОЕЙ правде. О той системе образования, с которой Я столкнулся, а познакомившись ближе, ужаснулся. Я так нарочито выделяю эти местоимения, потому что отлично понимаю, что моя история вполне может сильно отличаться от историй других людей. Но что-то мне подсказывает, что многое из того, что вы найдете на страницах этой книги, покажется вам близким и знакомым, потому что свой школьный опыт есть у каждого из нас. У кого-то – положительный, у кого-то – отрицательный, но у каждого – свой. Добро пожаловать в мой!

P. S. Все отрывки из сочинений и ответов у доски, которые вы найдете на этих страницах, принадлежат реальным школьникам, для которых русский язык является родным. Не пугайтесь!

Почему учитель?

Именно такой вопрос, узнав, что я планирую поступать в педагогический университет, задала мне в апреле одиннадцатого класса учительница по истории, сопроводив его многозначительным осуждающим взглядом.

– Паша, ты же отличник!

– Паша, у тебя же мама – учитель: ты же знаешь, что это такое!

– Тебе совсем на будущее плевать?

Подобные вопросы и комментарии той весной я неоднократно получал от знакомых педагогов. Каждый считал своим долгом предостеречь меня от самой главной ошибки в моей жизни. Создавалось ощущение, что я ЖИ решил с Ы написать, не иначе.

Попытки наставить заблудшую овечку на путь истинный сопровождались рассказами о тоннах бумаг,

Тут меня действительно не обманули.

отсутствии совести у современных учеников,

А вот здесь я бы уже поспорил.

жизни в коробке из-под холодильника, на зарплату педагога я, естественно, ничего другого не смогу себе позволить, и прочих прелестях школьного житья-бытья. Ключевая же мысль всегда была одна: «Умные дети не должны идти рабо-

тать в школу!»

И тогда, и сейчас эта фраза меня безумно коробила. А кто тогда должен? Двоечники? Маша, прогуливавшая историю и пытающаяся найти Англию где-то в районе Мадагаскара?

Это, кстати, пример из реальной жизни.

Или, может быть, Петя, рисовавший все уроки напролет портреты одноклассников и старательно выводивший корявым почерком: «Сидоров – козел!»? Вы бы хотели, чтобы они стали наставниками ваших детей? Нет? Вот и я нет. Ни тогда, ни сейчас.

Складывается удивительная ситуация: мы постоянно говорим о том, что в школе не хватает хороших специалистов, обсуждаем на кухне за кружкой чая очередной косяк Марьянны, удивляясь тому, как такого человека допустили до работы с нашими драгоценными детьми. Но смотрим на успешного ученика, решившего связать свою жизнь с системой образования, как на горячечного больного. При этом последний вызывает порой больше понимания среди окружающих.

Мы хотим, чтобы наших детей учили умные преподаватели, но мы боимся даже представить, что НАШ умный ребенок пойдет работать в этот филиал ада на земле под названием «Школа».

А теперь, уважаемые знатоки, вопрос: «А откуда тогда возьмутся хорошие преподаватели?» Какой волшебник и на каком голубом вертолете принесет их в наши школы и вузы?

Именно тогда, в 11-м классе, я дал себе обещание, что, если когда-нибудь мой ученик сообщит мне, что собирается связать свою жизнь со школой, я не буду его всячески отговаривать, призывать одуматься и пугать леденящими душу картинами диктантов двоечников, в которых красного цвета едва ли не больше, чем на флаге Китая. Когда же спустя несколько лет ученица и в самом деле попросила у меня совета, мне пришлось очень постараться, чтобы сдержать свое обещание и не лишить российскую школу очередного хорошего педагога. Искренне верю, что у нее все получится.

Но это будет еще не скоро, а пока учителя слушали мои рассуждения, охали, кивали головами, а потом выдавали последний заготовленный аргумент: «Но тебя же никто уважать не будет!»

Почему учителей никто не уважает?

Наверное, стоило бы сказать, что я с самого детства мечтал стать учителем, представлял себя в черном пиджачке и с указкой в руках, рассуждающим о творчестве Есенина. Но... нет. Мечтал я совсем о другом. О чем конкретно, не помню, но точно не об этом. Египет, гробница Тутанхамона – возможно, горы тетрадей и зарплата восемнадцать тысяч – нет.

Может быть, с названием этой главы я слегка погорячился, но давайте признаем: учитель уже давно не является не только престижной, но и просто уважаемой профессией. Времена, когда на педагога, даже не так... ПЕДАГОГА, несшего знания детям, смотрели с благоговением, давно канули в Лету.

Ученики спокойно могут послать учителя в пешее эротическое путешествие, в Сети таких роликов пруд пруди.

Нет, не стоит сейчас идти их искать: мы тут вообще-то умные вещи обсуждаем.

Многие родители твердо уверены, что их работа по воспитанию чада закончилась на линейке в первом классе и теперь им остается только требовать на выходе идеального ученика, желательно с золотой медалью на шее.

– В смысле, я должен контролировать выполнение домаш-

него задания, а вы на что?

По телевизору то и дело депутаты (и прочие неравнодушные боксеры) в очередном выпуске «Пусть говорят» яростно орут, схватив в свои потные ладошки микрофон: «Во всем виновата школа!» В общем, вечер давно перестал быть томным.

Спросите прохожего на улице: «Кто идет работать в школу?» Только давайте для чистоты эксперимента обойдемся без микрофона и камеры у лица. Кто-нибудь, конечно, вспомнит про любовь к детям и призвание. Но очень сомневаюсь, что это будет самый популярный ответ. В массовом сознании в школе работают либо неудачники, которые не смогли устроиться на более престижное место, либо странные личности, готовые работать за копейки и поэтому доверия не вызывающие.

Все мы помним веселую поговорку про отсутствие ума и поступление в педагогический вуз.

Совершенно не помогает ситуации и тот факт, что далеко не каждому из нас на жизненном пути попадались хорошие учителя, те, кого хочется вспоминать с благодарностью. Обычные – были, истеричные – куда уж без них, несправедливые и жестокие – и такие имелись, уставшие и превращавшие урок в королевство скуки – и они приходят на ум, а вот те, к кому хотелось подойти после уроков, с кем хотелось поговорить о чем-то важном, на кого хотелось быть похожим, – не уверен. И вот эта детская обида на школу, на отсутствие

того самого Учителя во взрослом возрасте никуда не девается, она, конечно, притупляется, уходит на задний план, но нет-нет да заявит о себе очередным колким замечанием в сторону совсем потерявших совесть училок.

Какие бы сказки про духовность и жертвенность ни звучали вокруг, в современном обществе мерилom успеха выступают деньги. Если ты отдыхаешь на острове в Индийском океане, фотографируешься в модной одежде и рассекаешь по городу на дорогущей машине, для аудитории Инстаграма ты человек, сумевший разобраться в премудростях жизни.

Если же ничего, кроме бесконечных обязанностей, на суд придиричивого зрителя ты вынести не можешь, то прости, дружок, но где-то в своей жизни ты явно свернул не туда.

А чем может похвастаться современный учитель в какой-нибудь Самаре с зарплатой двенадцать тысяч? Результатами очередной проверочной?

– Смотри, сынок, будешь хорошо учиться, сможешь, как и Нина Ивановна, платить за квартиру и покупать овсяное печенье по праздникам. А если этого будет мало, то, по заветам Дмитрия Анатольевича, отправишься в бизнес на подработки.

Ну что? Уже прониклись уважением к Нине Ивановне? Странно...

Когда кто-то соглашается работать исключительно за идею, это, конечно, может вызвать восхищение: «Ух ты, какой самоотверженный!» Но для многих над головой подоб-

ного человека ярко загорается неоновая надпись

Как бы покультурнее выразиться, чтобы никого не обидеть?

«Слабак». Ты готов получать копейки, готов отказаться от дорогих вещей и терпеть вечные упреки со все сторон? А упреки, уверяю вас, будут! Молодец! Странненький ты, однако, но молодец! Только вот беда в том, что странных и убогих люди не уважают. Уважение вызывают сильные и успешные, а эти прилагательные у меня как-то мало ассоциируются с российскими учителями. Простите, коллеги!

– Так чего ж ты тогда в школу поперся? Прости меня за мой французский!

Итак, она звалась...

В каждой хорошей истории должны быть страницы, посвященные любви, эта не исключение.

Некоторые дети любят учиться: с радостью ходят в школу, с удовольствием решают заковыристые уравнения и пишут ежедневные проверочные,

Такие же уникамы существуют?

затаив дыхание, внимательно слушают объяснения учителя и коллекционируют пятерки в аккуратно заполненные дневнички. Святые люди! Я, стоит признаться, к сожалению, не из их числа.

Нет, проблем с учебой у меня никогда не было: все 11 лет школы я балансировал между отличником и хорошистом, в итоге получив аттестат без четверок. Но сам процесс обучения, хоть и не доставлял мне особых сложностей

Про физику сейчас вспоминать не будем, вдруг кто-то спать собрался.

никакого энтузиазма не вызывал.

Отлично помню, как на второй неделе сентября в первом классе мы торопливо спускались с мамой по лестнице. Откровенно говоря, торопилась только мама, боявшаяся опоздать на автобус, я же просто прыгал через ступеньки и совершенно не стремился на романтическую встречу с очеред-

ными крючками и палочками в прописях. Именно тогда я неожиданно заявил, что считаю, что мне в школу больше ходить не стоит, так как и так все знаю, поэтому мне там скучно. Мама остановилась на секунду, моргнула пару раз и, схватив за руку, потащила на автобус, так как крючки и палочки сами себя не нарисуют.

Знал, я тогда, конечно, далеко не все, но скука и уроки в моем сознании крепко сплелись. И чем дольше я учился, тем прочнее казался их союз.

Не скажу, что меня ничего не интересовало. Наоборот, дома я проглатывал энциклопедии по биологии, истории и географии, но применять полученные знания на уроках было просто негде.

Никогда не забуду, как в пятом классе я, полностью и бесповоротно влюбленный в историю Древнего Египта, вещал у доски про мумию Рамзеса второго, а учитель, прервав на полуслове мой рассказ, потребовала отвечать ПО УЧЕБНИКУ!

– Рассказывай только то, что есть в учебнике. Больше не надо!

Ну, не надо так не надо. Оттарабанив необходимый текст, я получил очередную пятерку и совет:

– Вот всегда так и делай: надо отвечать по нашим записям.

Уже в том возрасте я почувствовал, что этот «научный» подход хромает как минимум на пару лап, да еще и хвост вот-вот отвалится, но работать в режиме «перепиши с дос-

ки, а потом перескажи слово в слово» я мог совершенно не напрягаясь, так что... переписываем очередной параграф и ждем спасительного звонка.

Пребывал я в подобном вареном состоянии вплоть до шестого класса, когда мое представление о нормальных учителях и уроках полностью перевернула новая преподавательница русского.

Елена Викторовна... Прошло уже лет двадцать, а я до сих пор с благодарностью вспоминаю ее уроки. Творческие задания, необычные примеры, постоянные викторины и КВНы... наш шестой класс совершенно не был к этому готов. Вместо привычных тестов и самостоятельных после изучения каждой большой темы по литературе мы делились на команды и готовили выступления. Оказалось, что знания за рамками учебника – это не лишний багаж, который стоит оставить за дверью класса, а то, чем стоит поделиться с остальными.

До сих пор помню наш шок, когда она заявила, что на тот или иной поступок главного героя можно смотреть с разных сторон. С РАЗНЫХ, Карл! То есть нет правильного и неправильного ответа, есть твоя точка зрения, и если ты можешь ее доказать – вперед, мы с радостью тебя выслушаем. И ведь мы реально слушали друг друга, перебивали, конечно, еще бы, мы же обсуждали серьезные вещи, но слушали. Каждое произведение вызывало массу споров и интересных рассуждений, любой вопрос тут же встречал лес рук. Даже те из нас, кто никогда не стремился отвечать на других предметах, на

ее литературе буквально выпрыгивали из-за парты, потому что знали: их услышат. И слушать будут именно его, а не очередную умную строчку критика из учебника.

Мы с Достоевским считаем...

Умением слушать других, принимать мнение, отличное от твоего, обладают далеко не все педагоги. Ты настолько при-
выкаешь работать по давно проложенным рельсам, до такой
степени веришь в собственную непогрешимость:

– Я не ошиблась, я просто вас проверяла!

Что совершенно не замечаешь, как узко начинаешь смот-
реть на мир. Некоторые отказываются воспринимать мнение
взрослых людей, а о каком внимании к детским рассуждени-
ям тогда вообще может речь идти?

Помню, как меня, к тому моменту уже самого учителя,
поразила преподаватель литературы, проводившая семинар
для огромного количества педагогов в одной весьма пре-
стижной гимназии. Нас разделили на группы и поручили
проанализировать отрывок из романа Достоевского. До сих
пор помню «радостное» лицо учителя физкультуры: да, в но-
вооявленный кружок «Юный филолог» попали и математики
с трудовиками. Зачем? Бог его знает. Но ты понимаешь, что
единственный выходной пройдет так, как надо, когда тебя
просят написать небольшое эссе, а тебе сорок три и ты обе-
щал жене на даче помочь.

И вот после пары часов кропотливой работы учителя за-
читывают свои сочинения: одна группа отметила один мо-
мент, другой показался важным этот эпизод, третья вообще

сумела проанализировать отрывок под совершенно неожиданным углом. Вот поэтому я и люблю художественную литературу: каждый может найти в произведении что-то свое, личное, именно поэтому книга и может говорить с тобой.

Глупый, наивный Паша! Книжки с ним разговаривают!

Как оказалось, я глубоко ошибался. Все мы ошибались. Мы все делали совершенно неправильно. Надо было озвучивать строго определенные мысли из такого же ограниченного, заранее подготовленного списка, получившего одобрение свыше. Вот мы пни!

Заявив, что никто, из более чем пятидесяти педагогов, не умеет работать с художественным текстом,

И как только учителя физики пережили подобное оскорбление?

руководитель сего действия начала объяснять, что НА САМОМ ДЕЛЕ думал Достоевский.

Есть у меня не самое лучшее качество: я не умею держать язык за зубами. И вот, когда знаток творчества Федора Михайловича соловьем разливалась с трибуны, я решил уточнить, откуда такая уверенность в правоте собственных слов.

– Он вам сам это сказал? Или, может быть, вы знаете какое-то высказывание Достоевского, в котором он заявил: «Я имел в виду именно это!»?

Оказалось, что все гораздо проще: с классиком она, конечно, лично не была знакома, никаких его высказываний на

эту тему она не знает, но вот в их учебном заведении...

А у них, на секундочку, гимназия, это я неизвестно из-под какой лавки вылез.

В их доме свободомыслия и мудрости ВСЕГДА именно так анализировали этот момент, поэтому...

Поэтому мне стало безумно жалко ее учеников, которые были вынуждены озвучивать застывшие в своей неприступности неизвестно кем сказанные мысли. Пятерки-то нужны! Вот это полет фантазии и творчества! Какая разница, что ты думаешь и как рассуждаешь, главное – догадаться, к каким выводом успели прийти до тебя очень умные педагоги любимой гимназии. Боюсь, что даже у самого Достоевского возникли бы проблемы с подобными светилами науки, потому что:

– Вы, конечно, извините, Федор Михайлович, но мы уже больше десяти лет преподаем именно так, поэтому нам лучше знать, что вы имели в виду в своем романе. Мы даже семинары уже несколько раз проводили, поэтому займите свое место и не мешайте учебному процессу! Да, и зарегистрироваться не забудьте, листок на первой парте!

Хорошего понемножку

Но все это произойдет еще очень нескоро, а пока я с одноклассниками наслаждался мгновениями свободомыслия на уроках литературы, участвовал в различных конкурсах, с радостью декламировал стихи у доски и готовился к очередным выступлениям и литературным мероприятиям.

Но, как вы знаете, у всего хорошего есть одна очень неприятная особенность: оно имеет свойство заканчиваться, причем в самый неожиданный момент.

Проработав в нашем классе два года, Елена Викторовна перешла в другую школу. Этот был настоящий гром среди ясного неба. Меня успокаивал лишь тот факт, что в восьмом классе нас должны были делить на физиков и гуманитариев, поэтому я был уверен, что уж в гуманитарном классе русский, литература и история точно будут на уровне. А большего мне и не надо. КАК ЖЕ Я ОШИБАЛСЯ!

С учителем истории мне, действительно, повезло. Интересно, четко, по делу, еще и с юмором – идеальная комбинация. Елена Витальевна, спасибо! А вот русский в гуманитарном классе (от гуманитарного в нем было только название), скажем так, не блистал. И, честно говоря, если бы два последних года школы я не занимался с репетитором, то, что мне подсказывает, на экзамене я бы чувствовал себя далеко не так уверенно. Хотел сказать: не факт, что сдал бы,

но в то время ЕГЭ не было,

Да, завидуйте, современные школьники: во времена динозавров и моей юности дышалось значительно легче.

и из школы с отличными оценками за экзаменами выпускали всех. Двоечник, троечник, а за итоговое сочинение получаешь пятерку – четверку. Вот такой вот парадокс!

Именно тогда, в восьмом или девятом классе, точно уже не помню, я решил, что хочу стать учителем. Достаточно часто на наш выбор профессии влияет чей-то пример, чаще всего положительный. Наблюдает ребенок по телевизору за очередной победой прославленного чемпиона и твердо, но тихо произносит: «И я так хочу!» И вот он уже в пестром круговороте ежедневных тренировок и первых соревнований, если, конечно, желания и характера хватит. Успех других мотивирует и нас задуматься о выборе той же профессиональной дороги. Но... это не мой случай. В отличие от зрителя, восхищенного победителями-олимпийцами, в моей голове все чаще звучала фраза: «Я так не хочу!»

Из любимых предметов русский и литература превратились в... Я даже не знаю, во что они превратились. Судите сами.

Урок в девятом классе. Наверное, самое время готовиться к экзамену. Но у нашего преподавателя совершенно другое мнение на этот счет.

– Что вам объяснить? – многообещающе спрашивает она

в начале занятия. – Какое правило повторить?

– Господи, неужели хоть сегодня чем-то полезным займемся, – мелькает в моей голове фраза, но тут же вспоминаю, на каком уроке я нахожусь, и не спешу радоваться раньше времени.

– Не с частями речи, – предлагает кто-то с задних парт.

– Нет, вы это и так отлично знаете, – качает кудрявой головой учительница.

– Может быть, причастия? У меня с ними всегда проблемы, – уже гораздо менее уверенно звучит голос с первого ряда.

– Мы без конца ими занимаемся, – учитель отрезает и этот путь.

– А мы уже давно... – но договорить очередному оратору было уже не суждено. Учитель решает, что мы и без повторения все великолепно знаем, поэтому вот вам пяток номеров, сидите переписывайте, а сама углубляется в заполнение журнала.

– Вот и позанимались, – доставая из рюкзака решебник, бормочу себе под нос я.

Кстати, о решебниках: у нас на партах они очень часто заменяли роль учебников, так как на их наличие учителю было глубоко наплевать, как, в общем-то, и на то, чем мы на уроках занимались. Хочешь – пиши, не хочешь – не пиши! Тройку все равно нарисуют.

На следующий день ситуация повторялась: выясняем, что

мы не знаем, оказывается, что все-то мы знаем и объяснять нам ничего не нужно. Вот мы глупыхи. Действительно, в учебнике все правила есть, зачем на них время тратить, а журнал сам себя не заполнит. И привет, очередные пять номеров самостоятельно! Вот такой вот «День сурка».

Многие радовались: еще бы, можно прямо на русском ненавистную домашку по алгебре делать или огромную контурную карту заполнять. Это же какая экономия времени получается!

Вообще, очень часто замечаю, что школьники считают добрыми и хорошими тех учителей, которые позволяют на своих уроках ничего не делать. «Любят» их, обнимаются с ними на переменах. Кавычки я тут поставил неслучайно, потому что любовь эта мгновенно проходит, едва преподаватель совершенно неожиданно для учеников решит наконец-то заняться делом или навести порядок на уроке. Вот тут-то и оказывается, что «любовь» и уважение – совершенно разные вещи.

«А нам учительница биологии разрешает весь урок сидеть в телефоне, если мы будем молчать и не бегать по кабинету», – радостно поделилась своим счастьем под одним из моих роликов ученица шестого класса. Золото, а не педагог! Только вот обычно радость от свободы и восхищение добротой проходят к классу одиннадцатому, когда выпускник внезапно осознает, что ему для поступления нужна эта самая биология, а понимающая и милая Ольга Ивановна как-

то совсем забыла со всей своей добротой, что на уроке еще и учиться надо. Именно ближе к окончанию школы ученики начинают ценить строгих и требовательных педагогов, и среди недовольного бурчания об очередной самостоятельной все чаще начинают проскальзывать слова благодарности.

Фильм, фильм, фильм!

Я вот тоже до сих пор благодарен своим урокам литературы. Они меня научили тому, как делать не надо. Особенно мне запомнился один в одиннадцатом классе. Творчество Есенина. Казалось бы, вот где можно разбежаться: несчастная любовь, трагическая судьба, поиск смысла жизни... Но к выпускному классу я уже давно понял, что в последние годы, после ухода Елены Викторовны, мы на литературе никуда не разбегаемся, ну максимум до полки с готовыми сочинениями. Не удивляйтесь, списывать прямо на уроке нам никто не запрещал, вот чего-чего, а свободы на литературе у нас точно хватало, я бы даже сказал, с избытком.

Как же мне все-таки повезло со школой: не учеба, а рай земной.

Справедливости ради стоит сказать, что школа у меня, действительно, была очень сильная, и замечательных педагогов в ней было много, только вот работали они чаще всего либо в параллельных классах, либо к моменту моего перехода в старшее звено сами перешли, но уже в другие учебные заведения.

Неужели я настолько страшный?..

Но вернемся к уроку литературы.

– Астапов, ты вроде на филфак поступаешь? – неожидан-

но с порога спрашивает меня учитель. – Садись на первую парту, вот тебе моя методичка, изучай, может быть, что-нибудь нужное найдешь. Остальные читайте стихи Есенина, а я буду журнал заполнять.

Кто бы сомневался, все внимание, как обычно, журналу. Вот это, я понимаю, подготовка к вступительным экзаменам! Методичка! До сих пор не знаю: смеяться мне или плакать?

Еще врезались в память уроки по «Войне и миру». Произведение, безусловно, сложное, объемное, его и в нормальном-то классе не каждый осилит, а мы к тому времени полностью разучились читать. А смысл? Никто ничего не обсуждает, сидим конспектируем скучный учебник, составляем бесконечные таблицы по биографии писателя и бездумно переписываем сборники «лучших» сочинений. Для всей этой увлекательной и, безусловно, разнообразной деятельности знакомиться с текстом произведения совсем необязательно.

Отлично понимая все это, учитель решает ограничиться фильмом Бондарчука. Не самое плохое решение: для многих моих одноклассников эта лента стала единственной возможностью познакомиться с творчеством Толстого. Беда заключалась в том, что это многосерийный фильм, и за один присест его не посмотришь. Хотя, учитывая продуктивность наших уроков, особой проблемы в этом не было. Но... проблемы всегда можно самим себе устроить.

Как вы думаете, какую серию стоит посмотреть после пер-

вой? Вторую? Кхм. А вот и нет! Первую! Ведь Дениса не было, когда мы ее смотрели: он же ничего не поймет. Давайте пересматривать. Ну а теперь уже в полном составе можно приниматься за... первую. Жени-то на обоих уроках не было. Звучит, конечно, забавно, но мы пересматривали первую часть раза четыре, не меньше. Как говорится, маразм крепчал.

Скажу честно: любви к учебе подобные уроки не добавляли. Совсем. С каждым днем я все отчетливее понимал, что просто трачу здесь время. Вместо того чтобы заняться чем-то действительно полезным и интересным,

Я сейчас не про компьютерные игры и прогулки с друзьями.

я снова и снова чертил «таблицу три графы» и переписывал учебник. А на следующем уроке эти чертовы «три графы» повторялись снова. Р – разнообразие!

Но свою школьную жизнь я уже исправить не мог, зато мог попытаться не позволить другим попасть в такое же болото. Я на собственном опыте понял, что знания можно получать не только потому, что «скоро поступать в университет, а иначе дворником станешь», но и потому, что сам процесс обучения может быть интересным. В школе можно радоваться не только переменам и сосискам в тесте в столовой.

Звучит, конечно, дико, но это так. Да и признаться, сосиски в нашей столовой были так себе.

Возможно, если бы не было этого светлого пятна с яркими и креативными уроками в седьмом классе, я бы и не замечал всю беспросветную унылость своей школьной жизни. Сидел бы себе за партой, переписывая очередной параграф,

А чем еще занять детей в одиннадцатом классе?

получал бы свои заслуженные и не очень пятерки и готовился бы поступать на какого-нибудь юриста, считая дни до долгожданной свободы.

Обычно, если что-то приносит нам негативные эмоции, мы всеми силами стараемся сбежать от причины переживаний. Кто из нас ни слышал на выпускном громких фраз от одноклассников, уставших от бесконечных контрольных и проверочных: «Ноги моей здесь никогда больше не будет!» Я же, наоборот, твердо решил, что не хочу сбежать, я хочу вернуться, естественно, не конкретно сюда (работать в школе, в которой сам учился, – далеко не лучшая идея), и сделать все по-другому.

А как все мы знаем, именно в подростковом возрасте нам кажется, что именно нас ждет самое светлое будущее и именно мы сможем свернуть вон ту неповоротливую гору. Главное – как следует постараться. Так что пед и никаких вариантов!

Лукоморье

Воспользуемся магией литературы и перенесемся сразу же на 5 лет вперед, к тому моменту, когда я впервые подошел к школе, в которой мне, как я надеялся, предстояло работать.

Хотя пару слов об учебе в университете сказать, наверное, все-таки надо. Ведь наверняка эту книгу сейчас читают и те,

Ее же сейчас хоть кто-нибудь читает?

кто планирует поступать в педагогические вузы. Очень надеюсь, что после знакомства с моей историей вы не переживаете связывать свою жизнь со школой. Если что, я не виноват.

Я закончил Московский государственный областной университет и могу уверенно сказать, что мне очень повезло с преподавателями. Если в школу мне приходилось ежедневно заставлять себя ходить, то вот в университет я бежал, если и не вприпрыжку, то, в любом случае, с гораздо большим желанием. Только необходимость пять раз в неделю вставать в 5:20 и полтора часа трястись в забитой утренней электричке несколько портили настроение. Возможно, именно из-за этой самой электрички, которая, подражая своей известной подруге из песни, вечно норовила от меня сбежать, эта прыжка и появилась.

А я-то думал, это у меня тяга к учебе проснулась,

а на самом деле все гораздо прозаичнее.

Не буду пытаться делать никаких обобщений, так как все вузы разные, но мне кажется,

Нет, все-таки буду.

достаточно часто именно профессора, преподающие основные для твоей профессии предметы, оказываются наиболее оторванными от жизни. Именно они должны объяснить тебе основы твоей будущей работы, но проблема в том, что сами они порой имеют весьма смутное о ней представление, ведь всю свою жизнь они простояли за кафедрой. А теоретические знания далеко не всегда применимы на практике.

В чем сложность работы учителя? Ты должен не только отлично знать свой предмет, но и уметь его преподавать. Можно быть гениальным математиком, без проблем решать сложнейшие задачи и самые запутанные уравнения, но при этом совершенно не уметь объяснять. Умеешь сам – вовсе не означает: знаешь, как научить.

Вот и приходят в наши школы отлично подготовленные филологи, биологи, химики, но становятся хорошими учителями далеко не все из них. Многие молодые специалисты вообще плохо представляют, что с детьми на уроках делать нужно, потому что работать с абстрактными Петями и Машами их в университете вроде как научили, но реальные Пети и Маши очень сильно отличаются от своих книжных ровесников. И попробуй объясни этому самому Петьке, что по

науке он якобы должен вести себя так-то и так-то и реагировать определенным образом на те или иные действия учителя. Наука наукой, а вихрастый двоечник сидит за первой партой и с наглой улыбкой наблюдает за тщетными попытками вчерашней студентки применить институтские лекции в реальной жизни.

Здесь, конечно, огромную роль играет педагогическая практика на четвертом и пятом курсах: многим именно она помогает убедиться, что некоторые теоретические трактаты ученых мужей совершенно не применимы в реалиях современной школы.

Но если у студентов шанс заглянуть в обычный класс есть, то вот многие преподаватели его лишены. Окруженные взрослыми и в массе своей старательными студентами, они рисуют в своих фантазиях каких-то очень странных школьников.

Семинар по «Методике преподавания литературы», третий курс. По идее именно здесь будущих учителей литературы должны научить работать с классом. Как объяснить, как заинтересовать, как построить урок – все эти вопросы решаются как раз на этих занятиях, ну или, по крайней мере, должны решаться.

Чаще всего один из студентов играл роль учителя и по подготовленному дома конспекту проводил урок на «классе». Это было действительно интересно и забавно. Некоторые из тех актеров-учителей сейчас уже избавились от пер-

вой части этого звания и давно уже проводят настоящие уроки. Но уже тогда было заметно, что многие из моих одноклассников станут классными преподавателями: мне вот у них «учиться» было очень интересно.

Почетная роль учителя

Во всяком случае, именно так ее рассматривал я.

на первом семинаре, посвященном вступлению к поэме Пушкина «Руслан и Людмила»,

Да-да, то самое хрестоматийное Лукоморье.

досталась мне.

*С фамилией, начинающейся на букву «а»,
привыкаешь всегда и везде быть первым. Андреевы,
Алексеевы и прочие Архиповы меня поймут.*

Разобравшись с учеными котами-сказочниками, сидящими русалками-бездельницами и толпами богатырей с морскими дядьками, переходим к более прозаичным вещам и анализу урока. «Ученики» должны были оценить работу «учителя», выявить сильные и слабые стороны занятия.

У меня была очень дружная группа, да и в своих силах я был уверен,

К тому моменту я уже пару лет преподавал в воскресной школе. Да, был в моей биографии и такой эпизод.

поэтому ожидать, что кто-то из одноклассников, воспылав праведным негодованием, начнет тебя валить, было бы странно. Гораздо интереснее услышать мнение профессора:

уж он-то точно не будет подслащивать горькую пилюлю, да и самое главное – опыт.

– Павел, у вас получился очень интересный и насыщенный урок, но вы допустили грубейшую ошибку...

– ...

– Вы же понимаете, что это урок для пятого класса? – заглядывая в глаза, вкрадчиво интересуется профессор, будто бы стараясь определить степень моего душевного здоровья и опасаясь, не разревусь ли я прямо перед ним.

– Понимаю, – ничего не понимая, отвечаю я, а в голове тут же начинают бегать перепуганные мысли. – Как ему мог не понравиться мой урок, он же МОЙ? Вон, Света похвалила!

Не волнуйтесь: у меня не настолько раздутое самомнение, но я действительно не понимал, чего он от меня хочет и что за «грубейшую ошибку» я допустил.

– Объясните мне, как можно разбирать пролог к поэме в пятом классе и не уделить хотя бы пятнадцать минут на изучение критических статей?! Как?! Это же самое интересное!

– Для кого? – хотел поинтересоваться я, но все же сдержался.

Дальше последовала импровизированная лекция о том, как важно с пятиклассниками конспектировать трактаты известных исследователей творчества Пушкина. Это якобы вызывает неподдельный интерес.

– У детей? – уже с улыбкой спросил я.

– Конечно! – искренне удивился моей непонятливости

профессор.

В школе он проработал целых... Не работал он в школе.

Если вы знаете пятиклассников, которые хотят изучать критические статьи на уроках и у которых этот процесс еще и интерес вызывает, то... со странными детьми вас жизнь сводила, скажу я вам.

За восемь лет работы в школе у меня было много пятых классов и много «Лукоморий», но каюсь, ни с одним из них я так и не стал тратить «минимум 15 минут» на ЭТО.

Все-таки правильно мне тогда профессор четверку поставил.

И вот такие замечания из серии: «дети хотят то», «ученики любят это», «каждый школьник мечтает», – можно очень часто услышать из уст людей, никогда не сталкивавшихся с реальными детьми в обычных школах. Так и хочется спросить у этих экспертов: «Что это за школьники, и где вы нашли таких детей?»

Особенно становится «весело», когда подобные знатоки вдруг решают, что их теории срочно требуют применения на практике. Вот прям здесь и сейчас. И в итоге сверху спускается очередная указивка, и ученики с учителями исполняют роль подопытных кроликов в очередном педагогическом эксперименте. Новый учебник, новая система обучения, новые экзамены и, естественно, новые отчеты. Куда уж без них!

Нет, не подумайте: я за прогресс, и, конечно, образование не должно стоять на месте, но прежде чем кричать: «Меняем

все, я знаю, как нужно!» — неплохо было бы хотя бы пару лет у доски постоять, и не в качестве цветка.

Практика

Первые безуспешные попытки отправить меня трудиться на благо общества были предприняты еще на четвертом курсе. После прохождения месячной практики в одной из московских школ с углубленным изучением французского языка мне предложили возвращаться не к учебе, а приступать к работе.

Не знаю: сыграло ли здесь роль мое природное обаяние, в наличии которого я до сих пор сомневаюсь, или я просто слишком ответственно готовился к проведению уроков, но администрация, вызвав меня на ковер, предложила со следующего сентября пополнить их педагогический состав.

Не буду обманывать, мне было очень приятно: не каждый раз мальчику практически из деревни

*Ну, возможно, с деревней я слегка погорячился...
Чуть-чуть. В моем родном поселке двадцать тысяч жителей.*

выпадает возможность устроиться на работу в самом центре Москвы, на Арбате. И амбициозная часть меня очень хотела согласиться, но впереди был пятый курс, защита диплома, пугающие госы... Поэтому я пообещал к ним вернуться в следующем году, но опять же в роли практиканта. И вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.